

ТЕКСТЫ УРАЛЬСКОЙ СЛОВЕСНОСТИ: ЛОКАЛЬНОЕ И УНИВЕРСАЛЬНОЕ

DOI 10.15826/izv2.2019.21.2.029

УДК 821.161.1-31 Мамин-Сибиряк + 27-584

О. В. Зырянов

*Уральский федеральный университет
Екатеринбург, Россия*

СЮЖЕТ ДУХОВНО-НРАВСТВЕННОГО ПРЕОБРАЖЕНИЯ В ПОВЕСТЯХ Д. Н. МАМИНА-СИБИРЯКА

В статье рассмотрен корпус малоизвестных и практически неисследованных повестей Д. Н. Мамин-Сибиряка позднего периода (середины 1890-х — начала 1900-х гг.): «Человек с прошлым», «Без особенных прав», «Вкруг ракитова куста», «За драгоценными камнями», «Любовь куклы». Показано, что объединяет все указанные повести ситуация духовно-нравственного кризиса, жизненно-экзистенциальной катастрофы, выводящая к сюжету весьма проблематичного (в основе своей неудачного) или реально достигаемого (несмотря на все драматические перипетии) преобразования героя, воскресения его к новой жизни. Так, проблематичность личного возрождения героя в повести «Человек с прошлым» мотивируется отягощенностью его души грузом прошлых ошибок, а в случае с героем «Без особенных прав» — мотивом «сомнительного отцовства». Отмечается также, что в плане рассматриваемой сюжетно-проблемной ситуации Мамин-Сибиряк в указанных повестях присоединяется к восприятию мифологического топоса Сибири как места потенциального «воскресения из мертвых», но тут же совершает работу по разрушению привычной мифологической модели. В двух других повестях — «За драгоценными камнями» (1896) и «Любовь куклы» (1902) — писатель в целях освоения духовно-нравственного комплекса *греха, вины и раскаяния* напрямую обращается к сюжетно-универсальной ситуации «блудного сына». Именно эта сюжетная ситуация — благодаря ее притчевой глубине и архетипической символичности — оказывается наиболее органичной для позднего творчества Мамин-Сибиряка. Рассмотренные примеры доказывают вовлеченность уральского писателя в основное русло отечественной классической словесности, являясь неопровержимым свидетельством в пользу «особого типа медитации о человеке» (А. П. Чудаков), напрямую соотносящегося с традиционными принципами христианской антропологии.

Ключевые слова: Д. Н. Мамин-Сибиряк; повесть; сюжетная ситуация; мотивный комплекс; сибирский текст; притча о блудном сыне; христианская антропология.

Цитирование: Зырянов О. В. Сюжет духовно-нравственного преобразования в повестях Д. Н. Мамина-Сибиряка // Изв. Урал. федер. ун-та. Сер. 2 : Гуманитар. науки. 2019. Т. 21. № 2 (187). С. 108–121.

Поступила в редакцию 13.01.2019

Принята к печати 18.04.2019

Oleg V. Zyryanov

Ural Federal University
Yekaterinburg, Russia

THE PLOT OF *SPIRITUAL AND MORAL TRANSFORMATION* IN D. N. MAMIN-SIBIRYAK'S STORIES

This article describes a corpus of little-known and almost unexplored later stories by D. N. Mamin-Sibiryak (mid-1890s – early 1900s): *The Man with the Past, Without Special Rights, Around the Willow Bush, For Precious Stones*, and *Love of a Doll*. The author demonstrates that all the stories are united by a situation of spiritual and moral crisis, existential catastrophe leading to a very problematic (basically unsuccessful) or achieved (despite all the dramatic upheavals) transformation of the character, and their resurrection for a new life. Thus, the problematic nature of the character's personal rebirth in the story *The Man with the Past* is motivated by the character carrying the burden of past mistakes, and in the case of the character of *Without Special Rights* by the motif of “dubious paternity”. It is also noted that in the plot considered, Mamin-Sibiryak joins the perception of the mythological topos of Siberia as a place for potential “resurrection from the dead”, but immediately destroys the usual mythological model. In the two other stories, i.e. *For Precious Stones* (1896) and *Love of a Doll* (1902), with a view to mastering the spiritual and moral complex of sin, guilt, and repentance the writer directly refers to the universal situation of the “prodigal son”. Due to its parable depth and archetypical symbolism, it is this plot situation that turns out to be the most organic for the later works of Mamin-Sibiryak. The examples considered prove the involvement of the Ural writer in the mainstream of Russian classical literature, testifying in favour of a “special type of meditation on a person” (A. P. Chudakov), directly correlating with the traditional principles of Christian anthropology.

Key words: D. N. Mamin-Sibiryak; story; plot situation; motif complex; Siberian text; parable of the prodigal son; Christian anthropology.

Citation: Zyryanov, O. V. (2019). Siuzhet *dukhovno-nravstvennogo preobrazheniia* v povesiakh D. N. Mamina-Sibiriaka [The Plot of *Spiritual and Moral Transformation* in D. N. Mamin-Sibiryak's Stories]. *Izvestia. Ural Federal University Journal. Series 2: Humanities and Arts*, 21, 2 (187), 108–121.

Submitted on 13 January, 2019

Accepted on 18 April, 2019

Перу Мамина-Сибиряка принадлежит около двух десятков повестей. Хронология работы над ними (с 1883 по 1912 г.) охватывает практически весь период творчества писателя. Проводить типологию повестей целесообразно с учетом доминирующих в них проблемно-тематических комплексов — освоения инвариантной ситуации, особого типа конфликта, системы сквозных мотивов.

Условно все повести Мамина-Сибиряка можно разделить следующим образом: повести исторические («Братья Гордеевы», «Охонины брови»), повести, связанные с бытом и психологией типичных для Уральского региона героев — раскольников, мастеровых и старателей («Пир горой», «В последний раз», «Верный раб», «За драгоценными камнями», «Белое золото»), повести о драматических перипетиях любви («Максим Бенелявдов», «Роковой человек», «Любовь», «Мать-мачеха», «Не мама», «Беззаветная любовь», «Вкруг ракитова куста»), о непростой доле женщин, нередко принадлежащих к актерскому ремеслу («Кисейная барышня», «Буянка», «Доброе старое время»), о моральном кризисе и нравственном воскресении человека («Наши», «Нужно поощрять искусство», «Не то...», «Человек с прошлым», «Без особенных прав», «Любовь куклы»). Однако в реальной художественной практике обозначенные проблемно-тематические доминанты (быт и психология, история и современность, социальная сфера и область глубоко личных, персональных отношений) нередко дополняют или оттеняют друг друга, что серьезно осложняет предложенную классификацию, подведение повестей под ту или иную типологическую рубрику¹.

Как показывает опыт жанра повести в творчестве Мамина-Сибиряка, писатель использует различные типологические модели: от акцентировки социально-психологической проблематики, или метасюжета испытания социума, до постановки экзистенциальных вопросов и переноса внимания на духовно-нравственный кризис, жизненную катастрофу персонажей, воспринятые через их внутреннюю точку зрения, позицию рефлектирующего сознания². Роль жанра повести состоит, с одной стороны, в углублении типов конфликта, которые заданы рассказом и очерком, а с другой — в экспериментальной подготовке больших романских форм. Все это вписывает эволюционные тенденции повествовательного жанра у Мамина-Сибиряка в общий контекст эпохи.

В первую очередь развенчанию подлежит устоявшееся предубеждение насчет закоренелого натурализма писателя, выразившееся в такой обедненно-искаженной характеристике его как «русского (или уральского) Золя». Казалось бы, действительно, в произведениях Мамина-Сибиряка (особенно раннего периода творчества) можно найти множество примеров «золаизмов»,

¹ Заметим, что, начиная с первой повести «Максим Бенелявдов» (1883) и кончая самой поздней — «Беззаветная любовь» (1912), именно любовная сюжетная линия обуславливает жанровое «лицо» повести, при этом всякий раз — от произведения к произведению — обогащаясь все новыми и новыми социально-психологическими коллизиями.

² В типологии русской повести конца XIX — начала XX в. мы опираемся на концепцию Н. Д. Тамарченко [2009].

иначе — фатально-роковой обусловленности природы человека наследственно-стью или психически-телесной конституцией, а также семейно-родовыми устоями бытия. Но это относится именно к *природе* человека, но не к его *личности* (хотя бы даже и «тварной»), как это четко различает христианская антропология. Приведем на сей счет убедительное суждение прот. В. Зеньковского:

Это различие «подлинной» природы в человеке и его эмпирического характера одинаково относится и к каждому отдельному моменту в жизни человека (при «статическом» рассмотрении его) и к жизни человека в целом (т. е. при «динамическом» рассмотрении его). Человек «загадочен» в обоих этих аспектах, и соотношение «ядра» личности и его эмпирической оболочки («характера») не остается неизменным и неподвижным в течение всей жизни. И сам человек часто сознает несоответствие его глубины и его эмпирии, мучится этим, доходя иногда даже до утери психического равновесия. В этом случае становится особенно ясным, что духовное «ядро» в человеке не может быть истолковано лишь как некая потенциальная энергия: наоборот, оно действительно, хоть и подавлено и заглушено всем тем, что сложилось в эмпирическом слое его личности [Зеньковский, № 153, с. 9].

Личность литературного героя в большинстве зрелых и поздних произведений Мамина-Сибиряка, несмотря на всю свою «внешнюю» отягощенность первородным и лично-родовым грехом, страстной одержимостью и т. д., в своей метафизической глубине (что и составляет сущность «внутреннего» или «сокровенного» человека) все-таки остается духовно-свободной. В художественной антропологии русского писателя-классика наблюдаем как ««бурные» психотелесные движения, которые с таким трудом поддаются воздействию разума» [Зеньковский, № 154, с. 79], так и волевые устремления личности, сферу ее морального самосознания, ибо, по словам того же отечественного философа, человек «судит — и самого себя, и других людей, и даже Бога (проблема Теодицеи)» [Зеньковский, № 153, с. 18].

Вовлеченный в основное русло отечественной классической словесности, Мамин-Сибиряк остается верен традиционной для русских писателей-классиков христианской концепции человека. Литературный герой в его представлении оказывается детерминирован целым рядом социально-культурных факторов, в том числе и своей родовой природой, наследственностью, но в то же время у героя всегда остается потаенная (или внутренне присущая ему) область духовной свободы, сфера личностного «самостоянья» (говоря пушкинским языком), являющаяся важнейшим залогом творческого развития и духовно-нравственного преобразования личности.

Решающим аргументом в таком случае становится складывающаяся в творчестве писателя особая *антропологическая концепция*, в которой человек предстает феноменом экзистенциально-психологического и духовно-религиозного порядка: при этом (как мы попытаемся показать в дальнейшем) к социально-бытовой проблематике и натуралистическим тенденциям самым решительным образом примешиваются вопросы национальной духовности, высоких человеческих страстей, греха и покаяния, совести и веры.

Отдельного разговора при этом заслуживает *проблема художественного метода* Мамина-Сибиряка. Обозначенный самим писателем метод «одухотворенного реализма» знаток его творчества И. А. Дергачев рассматривал как «синоним того “романтического реализма”, который обнаружен рядом исследователей в творчестве Короленко и некоторых других авторов». По мнению ученого, «Мамин, один из сильнейших “бытовых” реалистов», который «не отрицал возможности эволюции реализма» в сторону неоромантических и символистских тенденций [Дергачев, с. 228]. Причем нужно заметить, что само это явление «одухотворенного реализма», хотя и проявилось наиболее полно в творчестве писателя уже в 1890-е и последующие годы (например, в цикле «Восточные легенды» или в последнем романе «Падающие звезды»), на самом деле (как тенденция) зародилось гораздо раньше.

Постановка вопроса об «одухотворенном реализме» предполагает рассмотрение в совершенно новом ключе *ведущих параметров антропологической системы* писателя, *аксиологических основ* его художественного мира. В самом общем виде аксиологическая модель произведений Мамина-Сибиряка может быть представлена в виде нескольких концентрических кругов. Первый и самый внешний круг — факторы социально-исторической детерминации. Именно они задают взгляд на Мамина как писателя-«натуралиста» или яркого представителя социологического реализма в русской литературе. Однако под внешней оболочкой в художественной аксиологии Мамина-Сибиряка просматривается и второй, более глубинный слой — романтические и фольклорно-поэтические представления о добре и зле, силе и красоте, напрямую соотносящиеся с коллективным опытом русского народа. Наконец, центрирующим «ядром» художественной аксиологии писателя выступает духовно-религиозная аксиоматика, верность автора христианско-православной системе ценностей.

Динамика социально-исторического бытия соседствует в произведениях Мамина с признанием глубоко неоднозначной и противоречивой природы человека. Две удачно найденные для этого самим же писателем формулы — «роковой человек» и «таинственный незнакомец» — становятся определяющими для авторской философии личности.

Первая формула «роковой человек» появляется в очерке «Дружки» из цикла «Преступники» (1889), фиксируется в одном из «Охотничьих рассказов» — «Блудливое место. Рассказ капитана Вараксина» (1890), а также в рассказе «Крестник» (1891) из цикла «Сибирские рассказы». Закрепляется эта формула в названии одноименной повести, опубликованной Маминим под псевдонимом *Ник. Челышев* в газете «Петербургский листок» за 1891 г. [подробнее об этом см.: Зырянов, 2015]. В понимании писателя, рок — это явление многомерное: и непреодолимое стечение обстоятельств (судьба), и предопределяющие характер человека факторы, будь то природная наследственность или приобретающая некое фатальное значение любовная страсть, а также любой другой вид одержимости (например, золотая лихорадка).

Другая характерологическая формула, вынесенная в заглавие очерка «Таинственный незнакомец» (1888) [Мамин-Сибиряк, 1958], свидетельствует о том,

что, находясь, как правило, в неординарной ситуации, проходя через жизненное испытание, переживая неожиданный поворот судьбы, маминский герой не вписывается в устойчивые, уже сложившиеся стереотипы читательского восприятия. Именно в кризисной ситуации герой обнаруживает способность к авторефлексии, некоей переоценке ценностей, что актуализирует скрытый потенциал его личности, возможности упущенной, до конца не реализованной судьбы. Весь сюжет данного очерка-рассказа строится на своеобразной психологической интриге, экспериментальной ситуации разгадывания главного героя — некоего Ивана Семеновича Михайлова, который для всех прочих персонажей предстает «таинственным незнакомцем». Поначалу в адрес героя направлены негативные оценки, распространяемые в дискурсе слухов, приобретающих поистине фантастический и гротесковый размер, но все они стягиваются к номинациям «оборотень», «фальшивый человек», «шулер и жулик». Однако по ходу рассказа «фальшивости» Михайлова (начиная с его внешнего вида и кончая «театральными жестами» в поведении) начинает противостоять усиливающаяся атмосфера «грустной семейной тайны», переживаемое героем самым неподдельным и душевным образом отцовское горе: смерть сына Лёвушки, а потом новый роковой поворот судьбы — смерть дочери Онички от дифтерита.

Высший гуманистический смысл рассказа Мамина-Сибиряка заключается не только в преодолении внешних стереотипов и обнаружении тайной психологии главного героя, буквально на наших глазах превращающегося из авантюрного дельца-плута в глубоко трагического и несчастного отца, но и в тех душевных движениях, которые претерпевают окружающие Михайлова золотопромышленники, поначалу его откровенные недоброжелатели: «На мгновение, всего на одно мгновение в этих людях проснулось то совестливое и хорошее чувство, которое делает человека человеком. Нераскаянные грешники, до краев преисполненные всякой неправдой, точно почувствовали невидимое присутствие чистой души, которая пронеслась над их головами, как дыхание весеннего ветра...» [Мамин-Сибиряк, с. 150]³.

В контексте заявленной нами христианской антропологии русской классической литературы заметим, что особенно на позднем этапе важнейшее место в антропологической концепции Мамина-Сибиряка занимает духовно-нравственный комплекс *греха, вины и раскаяния*, а также традиционный (по сути, инвариантный для творчества писателя) метасюжет *нравственного воскресения* или *духовного преображения* личности, выводящий к сюжетно-притчевой ситуации «блудного сына».

Указанный сюжет может разворачиваться в двух направлениях — реально-достижимого (несмотря на все драматические перипетии) или потенциально-проблематичного (в основе своей неудачного) воскресения героя к новой жизни. Именно о втором варианте — неудачного воскресения — свидетельствуют

³ Более подробно о моделировании экспериментальной ситуации разгадывания «таинственного незнакомца» в одноименном рассказе Мамина-Сибиряка см.: [Зырянов, 2016, с. 10–13].

повести «Человек с прошлым» (1893) и «Без особенных прав» (1895), с которых мы и начнем проблемный анализ ситуации духовно-нравственного преобразования личности в повестях Мамина-Сибиряка.

В первой повести речь идет о Евгении Лугинине, — по словам автора, «старом грешнике» [Мамин-Сибиряк, т. 8, с. 407], «старом бонвиване» [Там же, с. 419], сосланном в Сибирь за растрату казенных денег. Подойдя к «роковому возрасту» [Там же] — сорокалетнему рубежу, герой ощущает себя «человеком с прошлым» [Там же, с. 397], своего рода «живым покойником» [Там же, с. 398]. В начале повести он разбирает всю свою прошлую жизнь, страстно целует письмо бывшей столичной пассии, француженки Леа, которая воспринимается им как «живой памятник» [Там же, с. 441] этого тяготящего прошлого. Но развитие повествовательного сюжета — в постепенно усиливающемся чувстве любви героя к юной и чистой девушке Капочке, с которой он пытается связать всю свою будущую жизнь и представление о семейном счастье. Вот как передается открывающийся для Лугинина совершенно новый строй душевных переживаний: «В нем теплилось такое хорошее и доброе чувство к этой девушке, которая уже одним своим присутствием уничтожала самую мысль о всем его прошлом. Да, нет больше этого прошлого, а есть только будущее... Как он будет ее воспитывать, учить, лелеять — нет, ничего не нужно, кроме одной Капочки» [Там же, с. 436–437]. Но в самый решающий для судьбы героя момент неожиданное появление Леа расстраивает все карты. Не находя в себе силы разобраться с сомнительным прошлым, Лугинин кончает самоубийством.

Принципиально важным моментом является то, что и местом действия, и типом исходной ситуации повесть Мамина вписывается в широкий массив произведений, относящихся к «сибирскому тексту» русской литературы⁴. Однако вот что примечательно: присоединяясь к восприятию мифологического топоса Сибири как места потенциального «воскресения из мертвых», Мамин тут же совершает работу по разрушению привычной мифологической модели. В сюжетном развитии повести у Мамина прорисовывается истинное положение сибирского топоса как «края лиминальной полусмерти, открывающей проблематичную возможность личного возрождения в новом качестве и соответствующего обновления жизни» [Тюпа, с. 256]. Но, что особенно важно, открывающаяся для героя потенциальная возможность личного возрождения выступает действительно как «проблематичная».

Сходная история сосланного в сибирский городок Чурбанск дворянина Владимира Маркловского, пострадавшего от любящей женщины и, как ему казалось, навсегда разочаровавшегося в женской любви, представлена в другой повести — «Без особенных прав». Оказавшись в сибирской ссылке, герой влюбляется в 17-летнюю девушку — Зою Ушибову, в которой находит «то зеркало,

⁴ См.: «Сибирь оказывается исключительно существенным моментом пути героев. <...> ...просветление, преобразование героя происходят именно после его гражданской смерти и локально связываются с Сибирью» [Лотман, с. 102–103]. О мифологической структуре «сибирского текста» см. также: [Тюпа].

в котором он видел лучшую часть самого себя». Состояние героя передается поначалу как «воскресение, тихое и радостное, как занимавшаяся весенняя заря» [Мамин-Сибиряк, т. 3, с. 124]. Но уже известная нам по повести «Человек с прошлым» проблематичность личного возрождения героя дает о себе знать и в повести «Без особенных прав».

Неслучайно сюжетная ситуация намечающегося духовно-нравственного возрождения героя осложняется мотивом «сомнительного отцовства», знакомством с предполагаемой дочерью — несчастным глухонемым ребенком Адочкой, которая, по мнению самого Маркловского, расплачивается за грех родителей. Усматривая в ребенке «лучшую часть самого себя», герой все сильнее переживает в душе мучения «живой совести»: ему хотелось бы сделаться лучше «под теплотой этой чистой детской любви. Разве можно так любить женщину? Там эгоизм, замаскированный человек-зверь, зоологическая правда, а здесь самое чистое чувство, радостное и светлое, как весеннее утро» [Там же, с. 136]. В сюжетном повествовании наряду с планами на новую жизнь и спасительный брак с Зоей Ушибовой, в котором могли бы родиться их общие дети, все настоятельнее проявляется нечто «бесповоротно-роковое». Эволюционным изменениям в психологической структуре характера героя Мамин, как всегда, предпочитает спонтанное развитие ситуации. Символический смысл несостоявшегося воскресения акцентирован словами самого героя: «Я три года точно пролежал в могиле. Ведь ваш Чурбанск — живая могила, и очень скверная могила» [Там же, с. 143]. В финале мы узнаем о самоубийстве Маркловского — как раз накануне его полного освобождения, в начале новой и вольной жизни. Причем кончает самоубийством герой в кладбищенском лесу, стреляя себе в голову: как явствует из его предсмертного письма, «такие люди не имеют права жить, а тем более давать жизнь другим» [Там же, с. 144].

Драматический вариант любовных отношений между мужчиной и женщиной, играющий столь роковую роль, а именно — отягощающий героев непомерным грузом «прошлого», представлен и в повести «Вкруг ракитова куста» (1901). Название связано с устойчивым представлением о ракитовом кусте как «нечистом месте», с языческим обрядом венчания вокруг ракитова куста, что в народном сознании сулит однозначно несчастье, означает жизнь в браке, не освященном церковью. Обозначенные ассоциации наглядно проявляются в судьбе главной героини Елены Серединой, оставившей своего мужа и вступившей в незаконный союз с Аркадием Искрицким. Отношения этих героев менее всего напоминают любовь, к ним более подходят определения несчастной страсти или позорного рабства-деспотизма в любви. «Нелегальную пару» в повести дополняет и «оскорбленный», оставленный Еленой Григорьевной муж, образующий на стороне «побочную семью» и бросающий ее на произвол судьбы. После смерти Искрицкого любовный треугольник восполняется отношениями Серединой с молодым московским купчиком, «Гамлетом из миллионеров», Павлом Чвановым. В этих отношениях, подчеркивающих ощутимую разность двух психологических типов — безволия и деспотизма, обнаруживается уже

привычная для Мамина-писателя тема «человека с прошлым», или запоздалого раскаяния. Пресекая свои отношения с Чвановым, Середина вспоминает об оставленном ею законном муже — с единственной целью «искупления всех своих ошибок»: «Я еще могу поднять на ноги мужа и спасти его от окончательного падения...» [Мамин-Сибиряк, т. 9, с. 372], — признается она в своем финальном письме. Но приведет ли к чему-то позитивному этот заявленный героиней мотив искупления прошлых грехов и ошибок, так и остается неизвестно. В то же время болезненно-роковой исход судьбы Павла Чванова после прочтения им письма Серединой усиливается предельно натуралистическим сравнением в дискурсе автора-повествователя: «Он походил на угря, с которого живьем сняли кожу» [Там же, с. 373].

От варианта проблематичного (в основе своей неудачного) возрождения героя к новой жизни перейдем к рассмотрению позитивного решения темы духовно-нравственного преображения личности, представленного в таких повестях Мамина-Сибиряка, как «За драгоценными камнями» (1896) и «Любовь куклы» (1902).

Повесть «За драгоценными камнями» (1896), будучи связана с уральским топосом (действие ее разворачивается в уездном городе Екатеринбурге), включает в себя подробный экскурс в кустарное производство уральских камнерезов по обработке драгоценных камней (изумрудов и аметистов, топазов и горного хрусталя), составляющих конкуренцию казенным гранильным фабрикам. Но основной акцент в повести сделан на социально-нравственной проблематике, феномене морального сознания, системе семейных отношений и духовных ценностей.

В повести рассказывается о судьбе неординарного мальчика Луконьки, младшего сына мастерового Ивана Васильевича Пряхина. Стремление к самостоятельности и инициативности обманчиво принимается его родным отцом за лукавство и своеволие. За кражу драгоценного камня отец проклинает своего сына, что заставляет последнего бежать из отчего дома, обратиться сначала к дяде Василию, а потом войти в чужую семью мастера-камнереза Гаврилы Аверьяныча Мухина. Только через три года (и то по настоянию Мухина, который позднее становится тестем Луки) отец снимает свое проклятие, но, как оказывается, не в окончательной форме. К тому времени жизненный выбор Луки Иванныча Пряхина, изо всех сил старающегося выбиться в люди, определяется в общем-то нехитрой формулой: «Богатство — все: счастье, сила, любовь...» [Мамин-Сибиряк, 1906, с. 46]. Из недавнего честолюбивого юнца чуть было не вырабатывается делец новой формации: «Это уже был не торговец-купец, а свой брат-мастер, прикачнувшийся к легкому купеческому хлебу. И чем больше наживался Лука Иванныч на счет каторжного труда каменных мастеров, тем сильнее разрасталась его жадность» [Там же, с. 49]. Писатель показывает, как это сопрягается с коррозией души, заставляющей вольно или невольно предавать духовно-нравственные принципы своих «братьев-мастеров», а также вековые устои традиционных семейных отношений.

Духовный потенциал позволяет Луке Пряхину преодолеть искушения богатством. В антропологической концепции писателя особое значение приобретает притча о блудном сыне. Примечательно, что Лука — это младший сын Ивана Пряхина, и его добровольные блуждания в общей сложности длятся около семи лет (именно по истечении такого срока происходит окончательное примирение отца с сыном). Что же касается старшего сына, Егорушки, то о нем в повести сказано, что он «старательный и безответный человек, забитый с детства строгим отцом, не был способен к самостоятельной работе и мог исполнять только приказания» [Мамин-Сибиряк, 1906, с. 54]. «Любимцем» отца, несмотря ни на что, остается именно младший сын.

Следует также акцентировать то обстоятельство, что возвращение героя в отцовский дом приходится на строго определенный момент евангельского календаря: «И вдруг, на последней неделе поста, “лукавый” явился» [Там же, с. 55]. И совпадает это возвращение с полным раскаянием героя, его окончательным отречением от мечты обогатиться любыми средствами, в том числе и за счет своих «братьев-мастеров». Вынесенный героем жизненный опыт свидетельствует о незыблемости старинных устоев, о важности принципов трудовой морали. «Раньше меня жадность к деньгам одолевала, — признается Лука в своей исповеди отцу, — а теперь и денег не надо. Для чего мне они? А сколько зла от них!..» [Там же, с. 56]. Концовка повести представляется в высшей степени принципиальной для писателя в плане его философии жизни: «Отец и сын примирились в окончательной форме, а через две недели Иван Васильич умер на руках у своего любимца. Лука Иваныч переехал с женой в отцовский дом и повел свое дело в самых скромных размерах, работая за станком сам» [Там же]. Насколько важен и символичен мотив «отцовского дома» и продолжения сыном скромного трудового дела отца демонстрирует фабульная ситуация блудного сына.

Этот сюжетно-мотивный комплекс — во всей его притчевой глубине и архетипической символичности — оказывается наиболее органичным для позднего творчества Мамина-Сибиряка. Все мотивы-концепты, составляющие духовно-нравственный комплекс *греха, вины и раскаяния*, находят свое выражение в этом сюжете-притче о блудном сыне, реальном (или потенциальном) воскресении личности, «восстановлении погибшего человека» (Ф. М. Достоевский).

Особенно ярко указанный сюжетно-мотивный комплекс представлен в повести «Любовь куклы» (1902). В основу сюжета этого произведения положена знакомая по рассказу «Таинственный незнакомец» (1888) роковая ситуация — смерть горячо любимой дочери — и переживание ее бедным, страдающим отцом. Подкрепляет эту связь и достаточно парадоксальный концепт «таинственный незнакомец», правда, поданный на сей раз уже не в авторском повествовании, а как продукт самосознания героя, его глубоко личная интенция: «...Человек знает всего меньше именно самого себя. Скажу больше — он имеет целую жизнь дело с собой, как с таинственным незнакомцем» [Мамин-Сибиряк, 1902, № 9, с. 200].

В центре повести — судьба дворянина Михаила Петровича Половецкого, переживающего реальный духовный кризис, осуществляющего переоценку всей системы жизненных ценностей. Великая сила любви, открывающая ему прежде неизвестную меру человечности, сосредотачивается (именно так, фетишистски!) на детской кукле, оставшейся после смерти дочери. Вот показательная сцена, заставляющая вспомнить самые проникновенные моменты чеховского лиризма: «Смысл и цель жизни были затемнены, красота окружающего проходила незаметной. А сколько можно было сделать хорошего, доброго, честного, любящего... <...> Половецкого охватила смертная тоска, и он едва сдерживал накопившиеся в груди слезы. <...> — Милая... милая... — шептал он, прижимая куклу к груди» [Мамин-Сибиряк, 1902, № 7, с. 121].

Но в аспекте интересующей нас темы духовно-нравственного возрождения личности важнее другое: «Любовь куклы» — это история о провиденциальном пути человека, который ведет его к нравственному воскресению. И воскресение это, почти совсем как в памятнике древней словесности «Повесть о Горе-Злочасти» (полное название: «Повесть о Горе и Злочасти, как Горе-Злочасти довели молодца во иноческий чин»), оказывается возможно лишь в монастырской ограде, носящей глубоко символическое название «Нечаянные Радости». Недаром в наставлении игумена Мисаила брату Павлину сказано: «Будешь в миру жить — осквернишься» [Там же, с. 114–115]. Не случайно также восприятие главным героем звука монастырского колокола: «Это был медный голос, который звал к себе...» [Там же, № 8, с. 229]. Интересно, что все, что так или иначе в сознании героя связывается с монастырем, приобретает особую «домашнюю» ауру: «...От всего веяло тем особенным теплом, какое дает только одна русская печь» [Там же, № 7, с. 116]. В высшей степени примечательна реакция героев на блеснувший крест монастырской колокольни: «Брат Павлин начал торопливо креститься, а Половецкий почувствовал, как у него сердце точно сжалось. Возвращающийся из далекого, многолетнего странствования путешественник, вероятно, испытывает то же самое, когда увидит кровлю родного дома» [Там же, № 8, с. 229]. Интересно, что, разместившись в странноприимнице монастыря, Половецкий снимает котомку и проговаривает вслух: «Вот мы и дома...» [Там же, с. 232]. Настойчиво проводимая параллель монастыря с родным домом подкрепляется и воспоминаниями главного героя о детстве, особенно этому способствует восприятие службы в маленькой монастырской церкви: «Половецкий по детским воспоминаниям особенно любил именно такие маленькие церкви, где так хорошо и чисто молилась детская чистая душа» [Там же, с. 233]. Отмеченные мотивы напрямую соотносятся с евангельской притчей о блудном сыне, важнейшим смысловым центром которой является возвращение раскаявшегося сына в дом своего отца.

Решающее значение в повести получает глубоко насыщенный педагогическим подтекстом разговор Половецкого с о. Мисаилом — настоятелем монастыря. Вот важнейшие мысли, высказанные игуменом Мисаилом и оказавшиеся столь созвучными мятущейся душе главного героя: «Великий и страшный

грех отчаяние, потому что оным отрицается безграничное милосердие Божие» [Мамин-Сибиряк, 1902, № 8, с. 235]; «Вера есть в каждом, но она затемнена... Без веры не человек, а зверь. По нашей слабости нам нужно великое горе, чтобы душа проснулась... Горе очищает душу, как огонь очищает золото» [Там же].

Действительно, именно любовь куклы (именно так: любовь куклы, а не любовь к кукле) — так же, как, например, в тургеневской «Кларе Милич» любовь «после смерти», но только не таинственно-мистическая, а именно духовно-преображающая, — спасает героя от самоубийства. Именно она приобретает глубоко выверенную и афористически отточенную формулировку: «Любовь есть правда жизни» [Там же, № 10, с. 177]. Показательно, что и внутренний итог всех раздумий героя о жизни оформляется именно в диалоге с «любящей» куклой: «Мы будем всех любить... Ведь в каждом живет хороший человек, только нужно уметь его найти. Так? Бесконечная доброта — это религия будущего и доброта деятельная, а не отвлеченная. Ты согласна со мной? Так, так... сейчас человек хуже зверя, а будет время, когда он сделается лучше» [Там же, № 9, с. 205]. Эти слова маминского героя заставляют провести некоторые параллели с чеховским творчеством. Исследовательница Т. А. Кошемчук отмечала присущее Чехову-писателю и его героям «живое чувство жизни, всегда чреватое нечаянностью подлинно человеческих проявлений и глубоких обретений» [Кошемчук, с. 227]. «Взлеты подлинного чувства», «истинная и пронзительная человечность» [Там же, с. 225] чаще всего приоткрывается героям в очень редкие моменты, называемые «подлинными, пронзительными религиозными кульминациями» [Там же, с. 218]. «...Компрометация автором героев, — пишет Т. А. Кошемчук, — не перечеркивает значимости их кульминационных переживаний» [Там же, с. 227]. Но ведь нечто подобное мы наблюдаем как раз в кульминационных точках размышлений Михаила Половецкого, героя повести Мамина-Сибиряка «Любовь куклы».

Итак, как показывают рассмотренные нами примеры, повести Мамина-Сибиряка включают в себя варианты потенциально-проблематичного и реально-достижимого воскресения героя к новой жизни. Изображение в них кризиса морального сознания, равно как и экзистенциальный взгляд на природу человека, выводят уральского писателя к такой важнейшей черте русской классической литературы, которую на основе художественного опыта Чехова отметил исследователь А. П. Чудаков: «Представление о человеке как совокупности противоречивых состояний манифестирует ту непредугадываемую и непознанную сложность соединения возможностей, которую таит в себе всякая человеческая личность. Это особый тип медитации о человеке, и трудно преувеличить его влияние на литературу XX века» [Чудаков, с. 314]. Практически всё, о чем сказано в приведенной цитате, напрямую соотносится с основополагающими принципами христианской антропологии. Проанализированная нами на материале повестей Мамина-Сибиряка сюжетно-проблемная ситуация духовно-нравственного преображения личности — неопровержимое свидетельство в пользу обозначенного выше «особого типа медитации о человеке».

Источники

Мамин-Сибиряк Д. Н. Любовь куклы : повесть // Рус. богатство. 1902. № 7. С. 109–125; № 8. С. 226–239; № 9. С. 194–213; № 10. С. 167–180.

Мамин-Сибиряк Д. Н. За драгоценными камнями : повесть. М. : Изд. журн. «Путеводный огонек», 1906.

Мамин-Сибиряк Д. Н. Без особенных прав // Мамин-Сибиряк Д. Н. Полн. собр. соч. : в 12 т. Петроград : Изд-во А. Ф. Маркс, 1915. Т. 3. С. 109–144.

Мамин-Сибиряк Д. Н. Человек с прошлым // Мамин-Сибиряк Д. Н. Полн. собр. соч. : в 12 т. Петроград : Изд-во А. Ф. Маркс, 1916. Т. 8. С. 382–443.

Мамин-Сибиряк Д. Н. Вкруг ракитова куста // Мамин-Сибиряк Д. Н. Полн. собр. соч. : в 12 т. Петроград : Изд-во А. Ф. Маркс, 1917. Т. 9. С. 336–373.

Мамин-Сибиряк Д. Н. Таинственный незнакомец : очерк // Мамин-Сибиряк Д. Н. Собр. соч. : в 10 т. М. : Правда, 1958. Т. 6. С. 134–150.

Исследования

Дергачев И. А. Д. Н. Мамин-Сибиряк. Личность. Творчество : критико-биограф. очерк. 2-е изд., доп. Свердловск : Сред.-Урал. кн. изд-во, 1981.

Зеньковский В., прот. Принципы православной антропологии // Вестн. рус. христ. движения. 1988. № 153. С. 5–20; № 154. С. 67–91.

Зырянов О. В. Новообетенная повесть Д. Н. Мамина-Сибиряка «Роковой человек»: обоснование авторства // Дергачевские чтения — 2014: Русская литература: типы художественного сознания и диалог культурно-национальных традиций : материалы XI Всерос. науч. конф. с междунар. участием (г. Екатеринбург, 6–7 октября 2014 г.) / [отв. ред. О. В. Зырянов]. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2015. С. 233–240.

Зырянов О. В сторону главного русла классической литературы. Очерки художественной антропологии Д. Н. Мамина-Сибиряка // Рус. словесность. 2016. № 5. С. 7–21.

Кошемчук Т. А. Личностные кульминации героя-интеллекта у А. П. Чехова // Русская литература в литургическом контексте : сб. науч. ст. / отв. ред. Л. А. Ходанен. Кемерово : Изд-во КеМГУ, 2011. С. 217–227.

Лотман Ю. М. Сюжетное пространство русского романа XIX столетия // Лотман Ю. М. Избр. ст. : в 3 т. Т. 3. Таллинн : Александра, 1993. С. 91–106.

Тамарченко Н. Д. Повесть // Поэтика русской литературы конца XIX — начала XX века. Динамика жанра. Общие проблемы. Проза. М. : ИМЛИ РАН, 2009. С. 324–364.

Тюпа В. И. Сибирский интертекст русской литературы // Тюпа В. И. Анализ художественного текста. М. : Академия, 2006. С. 254–272.

Чудаков А. П. Мир Чехова: Возникновение и утверждение. М. : Сов. писатель, 1986.

References

Chudakov, A. P. (1986). *Mir Chekhova: Vozniknovenie i utverzhdenie* [Chekhov's World: Appearance and Approval]. Moscow: Sovetskii pisatel'. (In Russian)

Dergachev, I. A. (1981). *D. N. Mamin-Sibiryak. Lichnost'. Tvorchestvo. Kritiko-biograficheskii ocherk* [D. N. Mamin-Sibiryak. Personality. Creative Work. A Critical Biographical Essay] (2nd ed.). Sverdlovsk: Sredne-Ural'skoe knizhnoe izdatel'stvo. (In Russian)

Koszemczuk, T. A. (2011). Lichnostnye kul'minatsii geroia-intelligenta u A. P. Chekhova [Personal Culmination of the Intellectual Character in A. P. Chekhov's Works]. In L. A. Hodanen (Ed.), *Russkaya literatura v liturgicheskom kontekste* [Russian Literature in the Liturgic Context] (pp. 217–227). Kemerovo: KemGU Press. (In Russian)

Lotman, Yu. M. (1993). Siuzhetnoe prostranstvo russkogo romana XIX stoletiya [The Plot Space of the Russian Novel of the 19th Century]. In Yu. M. Lotman, *Izbrannye stat'i* [Selected Articles] (Vols. 1–3). (Vol. 3, pp. 91–106). Tallinn: Aleksandra. (In Russian)

Tamarchenko, N. D. (2009). Povest' [Story]. In *Poetika russkoi literatury kontsa XIX – nachala XX veka. Dinamika zhanra. Obshchie problemy. Proza* [Poetics of the Russian Literature of the Late 19th – Early 20th Centuries. Dynamics of the Genre. Common Issues. Prose] (pp. 324–364). Moscow: IMLI RAN. (In Russian)

Tyupa, V. I. (2006). Sibirskii intertekst russkoi literatury [Siberian Intertext of the Russian Literature]. In V. I. Tyupa, *Analiz khudozhestvennogo teksta* [Artistic Text Analysis] (pp. 254–272). Moscow: Academia. (In Russian)

Zen'kovsky, V., prot. (1988). Printsipy pravoslavnoi antropologii [Principles of Orthodox Anthropology]. *Vestnik russkogo khristianskogo dvizheniya*, 153, 5–20; 154, 67–91. (In Russian)

Zyryanov, O. V. (2015). Novoobretennaya povest' D. N. Mamina-Sibiryaka "Rokovoi chelovek": obosnovanie avtorstva [The Newly Found Story by D. N. Mamin-Sibiryak *Fatal Man*: Verification of Authorship]. In O. V. Zyryanov (Ed.), *Dergachevskie chteniya – 2014: Russkaia literatura: tipy khudozhestvennogo soznaniia i dialog kul'turno-natsional'nykh traditsii* [Dergachev Readings – 2014: Russian Literature: Types of Artistic Consciousness and Dialogue of Cultural and National Traditions] (pp. 233–240). Yekaterinburg: Ural University Press. (In Russian)

Zyryanov, O. V. (2016). V storonu glavnogo rusla klassicheskoi literatury. Ocherki khudozhestvennoi antropologii D. N. Mamina-Sibiryaka [Towards the Mainstream of Classical Literature. Essays on the Artistic Anthropology of D. N. Mamin-Sibiryak]. *Russkaya slovesnost'*, 5, 7–21. (In Russian)

Зырянов Олег Васильевич

доктор филологических наук, профессор
кафедры русской и зарубежной литературы
Уральский федеральный университет
620000, Екатеринбург, пр. Ленина, 51
E-mail: o.v.zyrianov@urfu.ru

Zyryanov, Oleg Vasilyevich

Dr. Hab. (Philology), Professor
Department of Russian and Foreign Literature
Ural Federal University
51, Lenin Ave., 620000 Yekaterinburg, Russia
Email: o.v.zyrianov@urfu.ru
ORCID: 0000-0003-3327-8116